

На правах рукописи

Артамонов Денис Сергеевич

**Медиапамять в коммуникационном пространстве
цифрового общества**

5.7.7. Социальная и политическая философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук

Саратов
2023

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный руководитель доктор философских наук, доцент Тихонова Софья Владимировна

Официальные оппоненты:

Головашина Оксана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», ведущий научный сотрудник Уральского гуманитарного института;

Маленко Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии;

Фортунатов Антон Николаевич, доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», заведующий кафедрой социально-политических коммуникаций.

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук».

Защита состоится 25 декабря 2023 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета 24.2.392.04 на базе ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» по адресу: 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. XII, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» и на сайте университета: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2023/08/31/mediapamyat_v_kommunikacionnom_prostranstve_cifrovogo_obshchestva.pdf

Автореферат разослан «___» _____ 2023 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Малкина Светлана Михайловна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Происходящие в мире глобальные изменения открывают новые горизонты социального развития, контуры которых еще не определены, расплывчаты и в некоторых моментах призрачны. Отличие современной эпохи от прошедших исторических периодов заключается в том, что в философском плане она не осмысливается как эпоха «пост» (постгуманизм, постимпериализм, постсоветский, постмодернизм), а как начало чего-то абсолютно нового еще не известного человечеству, таящего в себе не только удивительные открытия, способные улучшить жизнь человека, но и серьезную опасность для устойчивого цивилизационного роста. Исключение составляет, ставшее широко распространенным, определение современности как эпохи «постправды», означающее завершение попыток описания действительности на рациональных началах и поиска истины, а также принятие эмоционального ситуативного взгляда на жизнь, для которого объективные факты не имеют никакого значения, а провозглашается субъективное эмоциональное восприятие происходящих событий. Однако, и в этом определении современной эпохи чувствуется новое веяние, так как еще никогда в истории человечества и философской мысли (за исключением разве что софистов) не провозглашалось отрицание истины в качестве фундамента социального строительства.

Стремление к субъективному восприятию социальной жизни наложило свой отпечаток на отношение к прошлому. Следует отметить, что современная эпоха характеризуется отсутствием проектов будущего и на уровне идеологий национальных государств, и в глобальной перспективе. При этом в жизни каждого конкретного человека больше места занимает неопределенность, чем надежды на светлое завтра. Отсутствие представлений о будущем может быть объяснено тем, что современное время это и есть искомое будущее, человечество реализовало свои самые смелые фантастические желания и наступил естественный предел человеческим возможностям. В то же время, виртуальные технологии позволяют создавать человеку любые воображаемые миры, в которых он может достичь всего, что может прийти в его сознание. Если чего-то невозможно добиться в реальном мире, то желаемое можно с успехом восполнить в мире виртуальном. Между тем придумывать что-то новое у человека получается все реже, и он идет по пути конвергенции прошлого с настоящим для создания различных материальных и информационных продуктов. Ценность прошлого в этой системе многократно увеличивается и порождает борьбу за его присвоение.

В начале XXI в. активизировались мемориальные войны, которые подспудно тлели с позапрошлого столетия, когда история обрела статус науки, а государства озаботились проведением политики памяти. Память о прошлом стала инструментом конструирования национальных коллективных идентичностей, препятствовавших процессам глобализации, а с появлением и распространением локальных сетевых сообществ в интернет-паутине она взорвала информационное поле жестокой борьбой за историческое наследие. Сегодня уже стало очевидным, что войны памяти могут привести к кровопролитным сражениям

не только в виртуальном, но и реальном мире. Военные машины стран мира борются, уничтожая человеческие жизни, за определенную картину мира, особенностью которой является не столько ориентированность на проекты будущего, сколько стремление утвердить свое представление о прошлом. Повышенное внимание к прошлому, характерное для последних нескольких десятилетий, в конечном итоге привело к взрыву, изменившему глобальные политические и социальные структуры общества. Память о прошлом захватила власть над человеком и его устремлениями.

При помощи сети Интернет была создана альтернативная виртуальная реальность, которая все больше интегрируется с социальным миром повседневности человека. Цифровые технологии проникли во все сферы жизнедеятельности, меняя условия существования индивидов. Они изменили способы коммуникации, создав множество новых коммуникационных средств, объединенных в медиасферу. Новые медиа, социальные сервисы (социальные сети), оптимизировали пользовательское управление различными видами интернет-коммуникации, обеспечили хранение и обмен данными различного формата, публичную активность, приватное и групповое общение, а также самопрезентацию индивидов в интернет-пространстве. Это привело к тому, что цифровое пространство стало огромным хранилищем информации, которая доступна практически без ограничений и с высокой скоростью использования. Прошлое было переведено в цифровой формат и подвергнуто бесконечным редакциям. Впрочем, вся актуальная информация в сети Интернет часто редактируется, комментируется и искажается только потому, что технологии это позволяют. Традиционные медиа интегрированы в цифровое пространство, продолжая выполнять, как и прежде, роль актора коллективной памяти, а культура, став цифровой, осталась таким же механизмом хранения, воспроизведения и забвения образов прошлого, каким была в эпоху устной и письменной коммуникации.

Цифровизация коммуникационных процессов превратила социальную действительность в медиареальность, так как медиа уже нельзя отграничить от повседневности человека. Медиа конструируют социальные отношения и взгляды человека на мир. Под медиа следует понимать все средства коммуникации, доступные человеку. Сегодня они переводятся в цифровой формат и без него, хотя и существуют, но стремятся быть интегрированными. В этом отношении представление о коллективной памяти как об объекте детерминации со стороны социальных структур, культуры, либо исторической науки и политики памяти перестает отвечать нынешним реалиям, так как культура, социальные отношения, наука и политика опосредованы медиа. Единственное, что отвечает прежним представлениям о коллективной памяти – это сохранение ее коммуникационной природы, которая в цифровом мире стала еще более очевидной. В коммуникационном пространстве цифрового общества коллективная память трансформировалась в медиапамять, рассмотрение и социально-философский анализ которой является главной целью данного исследования.

Медиапамять таит в себя опасные подводные камни в виде фейков, эмоционального восприятия прошлого, мемориальных войн, грозящих человеку

глобальными кризисами, но одновременно она способна дать надежду на будущее, продемонстрировав уроки истории какими бы невыученными они не были.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования является медиапамять как коммуникационный механизм конструирования представлений о прошлом в цифровую эпоху. Предметом исследования являются коммуникационные каналы и практики конструирования коллективной памяти, а также способы хранения, воспроизводства и забвения представлений о прошлом в медиапространстве.

Степень разработанности проблемы. В настоящее время изучение коллективной памяти выделилось в самостоятельную область научных исследований *memory studies*, которая строится на междисциплинарном подходе. Представления о прошлом, образы истории в массовом сознании, исторические мифы оказываются в центре внимания историков, культурологов, фольклористов, этнологов, антропологов, социальных психологов, политологов, философов, социологов. Междисциплинарность исследований в области коллективной памяти позволяет включить в ряд ученых, заложивших основы *memory studies*, широкий круг философов, таких как Ф. Ницше, Дж. Г. Мид, В. Беньямин, Г. Зиммель и К. Маркс, Э. Дюркгейм и др.

Однако, подлинным основоположником мемориальной проблематики по праву считается М. Хальбвакс, который в своей книге «Социальные рамки памяти» (1925) рассматривал память как продукт социализации индивида и его участия в коммуникационных процессах. Одновременно с ним А. Варбург, занимаясь теорией искусств, выходит на проблематику социальной памяти, рамками которой он считал символ и рассматривал ее в культурологическом контексте.

Наследие М. Хальбвакса было востребовано во Франции в 1980-х – начале 1990 – х гг., когда был реализован проект «места памяти» под руководством П. Нора. Идеи М. Хальбвакса также получили продолжение в трудах П. Рикера, он, как и П. Нора, разделял историю и память, видя в них различные формы репрезентации прошлого. Коллективная память для П. Рикера обладает большей субъективностью необходимой для сохранения идентичности, а потому служит воспроизведению прошлого в настоящем без его критической оценки, которую дает только история.

В книге Я. Ассмана, отталкивающегося от идей М. Хабермаса, но рассматривавшего вслед за А. Варбургом коллективную память как культурный и коммуникативный феномен выдвигается тезис о том, что прошлое никогда и нигде не передается просто от поколения к поколению, а всегда вновь и вновь пересоздается, конструируется и реконструируется из социальной реальности.

Проблематика культурной памяти волновала также представителей московско-тартуской семиотической школы. Ю. М. Лотман рассматривал данный феномен с семиотической точки зрения и пришел к выводу, что культура является надиндивидуальным механизмом хранения, передачи и создания новых сообщений, т. е. коллективной памятью.

Для исследования проблематики коллективной памяти большое значения имели идеи социального конструктивизма, которые восходят к трудам советского психолога Л. С. Выготского, изучавшего процессы социально-психологического конструирования социальной реальности, рассматривая ее как совокупность мыслей, идей и ценностей индивидуума, что уже прослеживались у Дж. Г. Мида и было обосновано в работах А. Шюца. Европейские исследователи П. Бергер и Т. Лукман в своем трактате «Социальное конструирование реальности» (1966) выступили с идеей социального конструкционизма, где наметили пути, с помощью которых индивиды и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими социальной реальности. Эта работа позволяет говорить о феномене конструирования представлений о прошлом в коллективной памяти, а Н. Луман в своем исследовании о медиареальности показал роль медиа в этом процессе.

Социальность коллективной памяти позволила советским исследователям рассматривать этот феномен как социальную память. Я. К. Ребане и В. А. Колеватов рассматривали социальную память в русле теории информации и говорили о ней в связи с процессами познания. Советский и российский исследователь Б. С. Илизаров связывал социальную память с процессами документирования, что сближает его взгляды с теорией документальности итальянского философа М. Феррариса, оказавшего значительное влияние на исследование мемориальной проблематики. Коллективная память как социальная реальность была рассмотрена и в работах европейского исследователя Дж. Олика, показавшего ее как набор сложных мнемонических механизмов и практик, осуществляемых с помощью коммуникационных механизмов.

Проблема соотношения индивидуальной и коллективной памяти в социальном и культурном контексте раскрывается в работе Дж. Фентресса и К. Уайкема «Социальная память» (1992), особое внимание здесь также обращается на процесс социальной коммуникации, также как и в концепции постпамяти М. Хирш, в которой коллективная память рассматривается как механизм передачи травматического знания о прошлом на глубоком эмоциональном уровне, обеспечивающем создание и воспроизведение индивидуальных воспоминаний.

Коммуникативная природа коллективной памяти была обозначена в работах М. Маклюэна и Ю. Хабермаса, которые заложили основы изучения процессов коммуникации. Применение коммуникационного подхода было успешно выполнено в работах С. В. Тихоновой по исследованию социальной мифологии, неформального знания и представлений о прошлом.

Вопрос о податливости социальной памяти манипуляциям рассматривался в сборнике статей Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера «Изобретение традиции» (1983). Публикации этих исследователей положили начало возникновению теории «политики памяти» или «исторической политики», вписавшей коллективную память в политический контекст. Особо следует отметить исследования в этой области О. Ю. Малиновой, которая рассматривает политику памяти как элемент символической политики и особого рода политической коммуникации.

Проблеме разделения истории и памяти посвящено значительное количество исследований, так П. Берк в работе «История как социальная память» и П. Хаттон в книге «История как искусство памяти» проводили мысль о том, что историческая наука является одной из форм коллективной памяти и представляет собой официально признанную память, т. е. практически политику памяти. В то же время в трудах Б. Шацкой подчеркивается принципиальное различие между памятью и историей, как разными видами знания о прошлом, создаваемые по разным правилам. По мнению же Й. Рюзена, история включает в себя память, представляя собой область символических представлений, являющихся источником формирования исторической памяти. Исследования Алейды Асман ставят своей целью рассмотрение вопросов, связанных с функционированием исторической памяти в различной социальной среде и причинами возникновения мемориальных конфликтов современности.

Тематике исторической памяти были изначально посвящены работы саратовского исследователя В. Б. Устьянцева, в дальнейшем рассматривавшего феномен коллективной памяти как социальный. Под исторической памятью он понимал совокупность письменных исторических источников, а социальную память рассматривал как информационную и коммуникационную систему. Идеи В. Б. Устьянцева были развиты в рамках саратовской школы изучения социальной памяти, к которой можно отнести Д. А. Аникина, О. М. Ломако, М. О. Орлова, И. А. Ромащенко, Е. В. Романовскую, О. Ф. Филимонову, Н. С. Шаповалову и др.

В целом в России, несмотря на очевидную популярность коллективной памяти как тематики исторических, философских, социологических и культурологических исследований, можно выделить лишь небольшое количество публикаций и исследователей, оказавших заметное влияние на разработку данного направления. Особо следует отметить вклад Л. П. Репиной, ее историографические обзоры долгое время играли роль направляющих исследований для ученых, занимающихся данной проблематикой. Большое значение также имеет серия проектов Российского общества интеллектуальной истории и Института Всеобщей истории РАН, такие как «История и память»; «Диалоги со временем»; «Образы времени». Журнал РОИИ «Диалоги со временем» под ее редакторством также периодически становится площадкой для обсуждения вопросов, связанных с проблематикой коллективной памяти.

Из исследовательских проектов, оказавших заметное влияние на развитие *memory studies* в России, нужно назвать работы И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, считавших прошлое конструируемым феноменом; А. И. Миллера, разрабатывавшего проблемы исторической политики и политики памяти; В. Н. Сырова, полагавшего, что историческое познание и память обусловлены коммуникационными структурами; О. В. Головашиной, рассматривавшей социальную память в контексте представлений о времени; А. Г. Иванова и А. А. Линченко, исследовавшего представления о прошлом в рамках социальной мифологии; С. А. Храпова, показавшего влияние техногенной среды на трансформацию социальной памяти; Е. В. Рягузовой, рассмот-

ревшей коллективную и семейную память в социально-психологическом контексте. Современные российские исследователи коллективной памяти уделяют слабое внимание ее коммуникационной и медиа составляющей, хотя она прямо не игнорируется, в тоже время заметно отсутствие концептуального осмысления способов воспроизводства представлений о прошлом в цифровом мире.

Обратная тенденция наблюдается в зарубежных исследованиях. В журнале *Memory Studies*, созданном в 2008 г., периодически появляются работы, посвященные конструированию коллективной памяти в медиа и социальных сетях. Исследование трансформации коллективных форм памяти под влиянием медиа позволило Ж. ван Дейк выдвинуть концепцию медиатизации памяти в цифровую эпоху, а в сборнике под редакцией М. Нейгер, О. Мейерс и Э. Зандберг были рассмотрены практики конструирования образов прошлого в медиасреде. Проблеме проведения исторических исследований и конструированию представлений о прошлом при помощи цифровых технологий был посвящен сборник работ под редакцией Дж. Догерти и К. Навроцки, в нем были проанализированы процессы написания цифровой истории и создания образов прошлого в сети Интернет. Осмысление процессов цифровизации коллективной памяти привело исследователей Дж. Гарде-Хансен, Э. Хоскинс, А. Реддинг к необходимости введения нового понятия для описания данного феномена — «digital memory» (цифровой памяти). Теории цифровой памяти хорошо показывают процессы трансформации коммуникативной памяти, ограниченной недавним прошлым, но не учитывает изменений культурной памяти под воздействием медиа и социальных сетей, которые участвуют в конструировании представлений не только о недавнем, но и далеком прошлом, определяя исторические взгляды людей цифровой эпохи.

Исследование коллективной памяти не позволяет обойти стороной вопросы философского осмысления исторического знания, разрабатываемые в контексте исторической эпистемологии. В научной литературе сложилось двойственное понимание исторической эпистемологии, с одной стороны рядом исследователей она воспринимается как методологическая основа истории науки, а с другой как научное направление, изучающее специфику исторического познания. Для данного диссертационного исследования важными стали историко-эпистемологические выводы, отраженные в работах Г. Баттерфилда, А. Мегилла, Ф. Анкерсмита, Х. Уайта, Н. Копосова, И. Т. Касавина, Л. В. Шиповаловой, И. Д. Невважая, К. Х. Момджян, И. Н. Сиземской, В. П. Веряскиной, В. Г. Федотовой и др., позволившие раскрыть особенности исторического познания в условиях цифровизации и медиатизации исторической науки.

Социально-философский анализ медиапамяти не может обойтись без обращения к феномену медиа и вопросам их трансформации в цифровую эпоху. Отчасти эти проблемы разрабатываются в рамках направления медиафилософии, представленного в работах Ш. Мюнкера, А. Рослера, М. Сандботе, Р. Марграйтер, Ф. Хартманна, Л. Визинга, Л. Мановича, В. В. Савчука, А. В. Павлова, А. Н. Фортунатова, С. А. Маленко, А. Г. Некита,

К. А. Очеретяного, Е. В. Листвиной, Н. Б. Афанасова, Р. Т. Алиева, наметивших основные векторы осмысления медиареальности, а также сделавших значимые выводы по проблемам цифровизации медиа и культуры.

Цель и задачи исследования. Основная цель работы — создание системной социально-философской концепции медиапамяти как коммуникационного механизма конструирования коллективно разделяемых представлений о прошлом в цифровом обществе.

Реализация данной цели требует решения следующих задач:

1. Методологический анализ основных подходов к пониманию коллективной памяти как механизма конструирования коллективно разделяемых представлений о прошлом;

2. Осуществление методологического синтеза подходов социальной теории, современных социально-философских концепций цифрового общества, исследовательских стратегий социальной философии, направленных на изучение коллективной памяти;

3. Исследование трансформации форм коллективной памяти в коммуникационном пространстве цифрового общества и разработка концепции медиапамяти как коммуникационного механизма конструирования коллективно разделяемых представлений о прошлом в цифровой среде;

4. Выявление базовых каналов трансляции и оценка масштаба влияния научной исторической информации на конструирование медиапамяти в современной цифровой среде;

5. Выявление и анализ основополагающих практик конструирования представлений о прошлом в современной цифровой среде;

6. Исследование коммеморативных практик и методов производства исторического знания в медиасфере, а также выявление способов хранения, воспроизводства и забвения образов прошлого в цифровом мире;

7. Анализ трансформации содержания медиапамяти в контексте цифровой истории и влияния коммуникационных цифровых технологий на исторические исследования;

8. Исследование сетевого дискурса исторической лженауки, установление его морфологии в ключевом историческом контенте социальных и традиционных медиа;

9. Изучение образов прошлого в контексте социальной мифологии, идеологии, стереотипов и иллюзий массового сознания цифровой эпохи, а также выявление процессов трансформации способов их трансляции в условиях цифровой среды;

10. Изучение процессов креативного преобразования исторического знания пользователями социальных медиа в целях, отличных от установления исторической правды и выявление роли фейков в структуре медиапамяти;

11. Исследование стратегий визуализации образов прошлого в коммуникационных процессах цифрового мира;

12. Выявление источников и способов репрезентации представлений о прошлом в развлекательно-игровом сегменте социальных медиа.

Методология научного исследования. При проведении диссертационного исследования применялись формально-логические методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование), системный подход и структурно-функциональный анализ. Они призваны устанавливать отношения и связи между изучаемыми объектами, а также способы их включения в социальную реальность, определять характер реализуемых ими социальных функций. Применение субстанционального подхода позволило учитывать свойства медиапамяти как целостного социального феномена, который сохраняет свою сущность в различных формах и состояниях при изменении условий существования.

В работе был произведен синтез методологий классической, неклассической и постнеклассической рациональности для изучения медиапамяти в широком историческом и социокультурном контексте. Методологическим вектором исследования стала научная рациональность, позволившая объединить субъект-объектный, субъект-субъектный и объект-объектный подходы при рассмотрении специфики коммуникационных процессов цифровой эпохи.

Исследование медиапамяти в коммуникационном пространстве цифрового общества предполагает проведение социально-философского анализа коллективно разделяемых представлений о прошлом с применением конструктивистского подхода, предполагающего исследование социальной реальности как результата субъективной и интерсубъективной творческой деятельности человека (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман и др.).

В качестве основной методологической платформы в диссертации предлагается коммуникационный подход к исследованию медиапамяти, в рамках которого общество рассматривается как явление, непрерывно воссоздаваемое в процессах социальной коммуникации. Данный подход предполагает рассмотрение цифрового общества как коммуникационного, где человек конструирует социальную реальность и наделяет ее смыслом в процессе коммуникативных актов, опосредованных медиа (М. Маклюэн, Ю. Хабермас, С. В. Тихонова).

Теория информации и теория коммуникации использовались в исследовании для установления коммуникационных структур социальных действий, направленных на производство и трансляцию коллективно разделяемых представлений о прошлом.

Пространственный подход, в основе которого лежит тезис о пространственном характере социального бытия применяется в диссертации для определения социально-культурных практик конструирования медиапамяти в социальном пространстве (П. Бурдье, Э. Гидденс, В. П. Рожков, В. Б. Устьянцев и др.). Данный подход позволяет рассматривать социальное пространство цифрового общества как коммуникационное, понимаемое в качестве особой формы бытия человека, реализующей возможности социальных связей и интеракций при помощи каналов коммуникации (С. В. Тихонова).

Постмодернистский и постструктуралистский подходы позволяют рассматривать в диссертации коммуникационные процессы нелинейного становления и множественности социальной реальности, в которой отсутствует цен-

трализация, упорядоченность, иерархия и симметрия (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.Ф. Лиотар и др.).

Диалектический подход позволил рассмотреть коллективно разделяемые представления о прошлом как динамические, изменчивые феномены, конструируемые в конфликтной среде путем столкновения различных точек зрения на социальную реальность.

При анализе влияния цифровых технологий и техногенной среды на коммуникационные процессы конструирования медиапамяти применялся акторно-сетевой подход (М. Каллон, Б. Латур), предполагающий рассмотрение технологических объектов в качестве действующих единиц социальных отношений. Акторно-сетевая теория позволила выявить роль цифровых инструментов коммуникации в конструировании представлений о прошлом в медиaprостранстве.

Анализ коммуникационных процессов конструирования образов прошлого в современной медийной среде делает востребованным принцип системности, который означает установление связей между элементами исторического знания и особенностями коммеморативных практик в медиасреде.

В данном исследовании используется принцип историзма, нацеленный на изучение образов прошлого в конкретно-исторических условиях.

Важную роль в диссертации играют теоретические выводы и методология герменевтики, предполагающая рассмотрение медиапамяти в пространстве интерпретации исторического знания. В данном случае использование герменевтической методологии позволит достаточно подробно рассмотреть вопросы стратегий конструирования образов прошлого в медиапамяти и дискурсивных практик коммеморации в цифровой среде. Использование методологии медиаанализа было также необходимо в свете обращения к текстам медийной среды.

Научная новизна диссертационного исследования. В диссертации предложено и обосновано новое направление социально-философского исследования медиапамяти как коммуникационного механизма конструирования представлений о прошлом, предполагающее осуществление методологического синтеза в векторной ориентации коммуникационного подхода для изучения социальных практик воспроизводства образов прошлого, процессов создания исторического знания массами интернет-пользователей при помощи цифровых технологий и способов его модификации в пространстве медиа.

В работе представлена авторская концепция медиапамяти как формы коллективной памяти, динамика трансформации которой обусловлена цифровизацией коммуникационного и культурного пространства современного общества. При анализе цифровых средств коммуникации в работе выявляются целенаправленно конструируемые пласты образов прошлого, обеспечивающие функционирование медиапамяти. Представлено оригинальное обоснование коммуникационной природы коллективной памяти, которая в цифровом обществе конструируется медиа. Медиапамять рассматривается как базисная матрица социокультурных практик коммеморации, обеспечивающих существование локальных сообществ и государств в условиях конфликтной мемориальной среды.

1. На основе анализа методологических подходов к осмыслению коллективной памяти впервые за основу исследования способов конструирования представлений о прошлом в цифровом обществе была взята коммуникационная парадигма изучения социальных коммеморативных практик и методов производства исторического знания в медиасреде.

2. Впервые категориальные ряды коллективной памяти рассмотрены в контексте коммуникационного подхода, с помощью которого удалось доказать, что представления о прошлом в цифровом обществе конструируются в процессах коммуникации, опосредованных медиа.

3. Предложена авторская концепция медиапамяти как новой формы коллективной памяти, появление которой обусловлено процессами медиатизации способов хранения, воспроизводства и забвения представлений о прошлом. Медиапамять рассмотрена как коммуникационный феномен, отвечающий за конструирование социальной реальности в эпоху цифровой трансформации социальных отношений.

4. Предложен новый взгляд на проблему создания исторического знания в условиях распространения цифровых технологий для работы с информацией и введено понятие хисторихакинг, характеризующее способы познания и репрезентации истории в медиасфере.

5. Впервые вводится понятие социально-эпистемических арен, обозначающее коммуникационные площадки производства исторической информации и представлений о прошлом, составляющих основу медиапамяти, в которой нивелируется граница между знанием и памятью, основанным на субъективном восприятии социальной реальности.

6. В новом ракурсе показаны практики гражданской исторической науки и публичной истории, аккумулирующие работу «умных толп» по производству исторического знания и представлений о прошлом при помощи технологий краудсорсинга и социальных медиа.

7. Впервые определены место и роль цифровой истории и цифровой философии истории в качестве концептуальных научных направлений исследования восприятия истории и образов прошлого, определяющих структуру медиапамяти и принципы ее конструирования в цифровом обществе.

8. С позиций авторского подхода исследованы деструктивные формы социально-эпистемологических практик производства обыденного исторического знания и способов его конвергенции с представлениями о прошлом медиапамяти. Впервые историческая лженаука проанализирована в контексте функционирования медиасреды.

9. Впервые исследованы процессы медиатизации социальной мифологии в условиях формирования цифровой культуры, а также выявлены важнейшие социокультурные факторы мифологизации коллективной памяти. Предложена авторская концепция цифровой мифологии и показано ее место в структуре медиапамяти.

10. Новым научным результатом является определение и описание исторического фейка, ставшего важнейшим инструментом мемориальных войн,

происходящих в современном коммуникационном пространстве. Впервые показана роль фейков в конструировании представлений о прошлом в цифровой медиасреде.

11. Выявлены новые аспекты визуализации образов прошлого в условиях сетевой коммуникации цифрового общества. На основе исследования интернет-мемов исторической тематики продемонстрированы способы создания и трансляции представлений о прошлом визуального характера в цифровой среде.

12. Предложена авторская интерпретация стратегий погружения в воображаемые исторические миры медиапамяти, конструируемые пользователями компьютерных игр. Впервые было установлено, что исторические компьютерные игры оказывают существенное влияние на медиапамять локальных сетевых сообществ.

Положения, выносимые на защиту.

1. Социально-философское осмысление коллективной памяти возможно на основе признания ее коммуникационной природы. Коллективной памяти вне социальной коммуникации не существует. Если индивидуальная память возникает на основе личного опыта, то надиндивидуальные формы памяти формируются социумом и включают в себя представления о прошлом, присущие не только конкретным индивидам, но и всему сообществу в целом или определенной группе. Индивидуальная и надиндивидуальная память создаются в процессе коммуникации, но в первом случае воспоминания появляются в результате взаимодействия индивида с другими членами социума, а коллективные воспоминания конструируются в результате принятия социумом такого представления о прошедшем событии и прошлом в целом, которое сформировалось в результате реализации различных коммеморативных практик. Коллективно разделяемые представления о прошлом имеют символический характер и возникают в результате коммуникативного социального действия, направленного на удовлетворение потребности в формировании устойчивой картины социальной реальности.

2. С появлением цифровых средств коммуникации между коммуникативной и культурной памятью становится невозможно провести разграничение, так как коллективные воспоминания о недавнем прошлом и образы далекого прошлого одинаковым образом воспроизводятся в медиасфере при помощи цифровых технологий. Концепции медиатизации коллективной памяти фокусируются на роли медиа в трансформации коммуникативной памяти и игнорируют влияние цифровых технологий на конструирование культурной памяти. Цифровизация способов хранения и воспроизводства социально-значимой информации, обусловила возникновение теории цифровой памяти, опирающейся на концепцию социальной памяти, которая предполагает, что коллективные представления о прошлом формируются в ходе фиксации социальных актов в документах и артефактах. Теории социальной и цифровой памяти признают коммуникационную природу возникновения и сохранения представлений о прошлом, но не уделяют достаточного внимания роли медиа в формировании коллективной па-

мяти, тогда как в цифровую эпоху социальные акты и отношения все более опосредуются медиа.

3. Характеристика коллективной памяти цифровой эпохи как медиапамяти позволяет преодолеть дефиниционный плюрализм теорий *memory studies*, опирающийся на акцентуацию способов конструирования представлений о прошлом. Теория медиапамяти имеет потенциал интегрирования концепций коммуникативной, культурной, социальной, исторической и цифровой памяти в единую непротиворечивую систему, описывающую коммуникационные механизмы воспроизводства образов прошлого в цифровом обществе. Медиапамять можно определить как коммуникационный механизм хранения, воспроизводства и забвения представлений о прошлом при помощи медиа, возникший в результате медиатизация социальных и культурных процессов, а также появления цифровых инструментов коммуникации в современном мире. Интеграция способов конструирования образов прошлого в медиа привнесла в медиапамять основные коммуникационные тенденции, связанные с эмоциональностью, пластичностью и плюралистичностью символических феноменов, возникающих в цифровом коммуникационном пространстве.

4. Цифровой поворот в методах исторического познания привел к изменениям в структуре медиапамяти. Производство исторического знания перестало быть монополией историков профессионалов, а его репрезентация и распространение происходит не только традиционными для науки способами публикации результатов научных исследований и средствами массовой информации, но и при помощи социальных медиа. В формате гражданской науки и публичной истории, используя технологии краудсорсинга, ученые, общественные деятели и лидеры мнений привлекают к историческим исследованиям массы интернет-пользователей, в результате чего создается историческое знание, имеющее максимально широкое распространение. Социальные медиа позволяют каждому индивиду репрезентовать свою версию исторической реальности, которая складывается в результате коммуникативных действий и применения цифровых способов получения исторического знания.

5. Цифровизация коммуникационных процессов способствует конвергенции академического научного и обыденного неформального исторического знания, сближая историю и память. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества формируется в рамках социально-эпистемических арен усилиями различных акторов: 1) профессиональными учеными-историками, лидерами мнений, общественными деятелями, организующими коммуникативную деятельность при помощи технологий краудсорсинга; 2) массами интернет-пользователей, «умными толпами», любителями истории, добровольцами, объединенными социальными медиа и ориентированными на совместное решение задач и обсуждение результатов; 3) цифровыми технологиями (нечеловеками), являющимися не только инструментами научного исследования, но и самостоятельным субъектом воспроизводства и распространения исторического контента. Социально-эпистемические арены представляют собой коммуникационные площадки, на которых участниками осу-

ществляется распределенное познание, вырабатывающее коллективные образы прошлого.

6. Представления о прошлом в медиапамяти конструируются в практиках получения исторического знания гражданской науки. Распространение технологий краудсорсинга сделало прежде молчаливое большинство масс равноправными участниками процесса создания исторической информации. Просьюмеризм как культура производства информационного продукта для собственного потребления сделал возможным привлечение больших масс интернет-пользователей к созданию исторического контента, направленного на удовлетворение потребности в историческом знании отдельных индивидов и локальных сетевых сообществ, объединенных социальными медиа. Просьюмерские практики создания исторического контента и проведения исторических исследований укладываются в программу «Do it yourself», ставшей основой цифровых технологий, позволяющих пользователям создавать информационные продукты, в том числе и исторического содержания. Историческое познание представляет собой ту область медиапамяти, в которой проявляется новая цифровая солидарность, аккумулировавшая ресурсы «умных толп».

7. Содержанием медиапамяти выступает цифровая история, понимаемая не просто как методологический подход, в рамках которого прошлое изучается на основе применения информационных технологий и цифровых медиа, а как история цифрового общества. Историческое знание цифровой истории, данное в распределенном состоянии, представляет собой субъективированную информацию о прошлом, подверженную бесконечным интерпретациям, отражающим личностные и групповые мировоззренческие установки индивидов. Целостное восприятие исторического процесса цифровой истории возможно только через систему гиперссылок, цитирования, шеринга и репостинга, которая позволяет находить, анализировать, трансформировать и презентовать историческое знание в медиапространстве. Образующаяся при таком положении вещей дискретность представлений о прошлом требует появления цифровой философии истории, способной дать непротиворечивую картину исторической реальности и преодолеть кризис традиционной историософии.

8. Историческая лженаука в структуре медиапамяти не является деструктивной формой исторического знания, а представляет собой социально-эпистемологическую практику конструирования представлений о прошлом. К ней можно отнести исторический ревизионизм (негационизм), представленный историческими теориями, пересматривающими институализированные научные концепции истории на основе отрицания фактов прошлого, их фальсификации или произвольной интерпретации исторических источников. Интеллектуальные процедуры производства лженаучных исторических теорий опираются на воображение, роль которого в производстве исторического контента медиапамяти можно назвать определяющей. Историческое знание лженауки ориентируется на массовое потребление в силу чего вынуждено использовать язык медиа и цифровые технологии, что усиливает ее привлекательность и манипулятивные возможности. Воспроизводство представлений о прошлом в соответ-

ствии с мировоззренческими установками масс позволяет исторической лженауке влиять на построение картины социальной реальности в цифровом обществе и стать частью коммуникационного пространства медиапамяти.

9. Медиапамять не свободна от мифологизации образов прошлого, социальные и исторические мифы присутствуют в ее структуре, но подвержены цифровой трансформации. Влияние цифровой медиасреды на функционирование социальных мифов позволяет говорить о возникновении цифровой мифологии. Цифровые мифы создаются и распространяются массами интернет-пользователей в виртуальном пространстве путем конвергенции образов массовой культуры и социальных мифов при помощи цифровых технологий и социальных медиа. Представления о прошлом медиапамяти подвержены цифровой мифологизации, так как представляют собой продукт воспроизводства исторических мифов в медиасреде. Новые медиа предоставляют любому интернет-пользователю стать мифотворцем и сделать воспроизводимый миф элементом медиапамяти при условии его визуализации и информационного резонанса с повесткой дня.

10. В цифровом мире медиапамять функционирует в ситуации постправды, в которой формирование общественного мнения опирается не на объективные факты, а на эмоциональное восприятие событий и личные убеждения. Главным элементом постправды является фейк, который можно охарактеризовать как коммуникационный феномен, распространяющий информационные сведения, содержащие мистификацию события или явления, дезинформацию, заблуждения или фальсификацию фактов. Исторический фейк представляет собой информацию, содержащую ложные исторические факты либо их произвольную интерпретацию, фальсификацию исторических источников или оценочные суждения. Гибридно-сетевой формат и коммуникационная природа исторического фейка определяет его включение в различные пласты медиапамяти, в которых происходит формирование представлений о прошлом, конструирующих социальную реальность в соответствии с повесткой дня.

11. Особенностью медиапамяти цифровой эпохи является визуализация образов прошлого. Стремление к образному визуальному восприятию представлений о прошлом соответствует тенденции визуализации коммуникационных процессов, производимых в цифровой среде. Тотальное погружение человека в виртуальную медиареальность вызывает ностальгию, тоску по ушедшей реальности, которую он пытается воссоздать путем симуляции истории, т. е. визуального воплощения образов прошлого в артефактах цифровой культуры, одним из которых является интернет-мем. В интернет-мемах, создаваемых из визуальных и вербальных элементов массовой культуры, представления о прошлом имеют мифологизированный и фейковый характер. Под историческим интернет-мемом следует понимать сложносоставной цифровой продукт творчества масс интернет-пользователей, использующих его в процессе коммуникации с целью передать эмоциональное отношение к образам прошлого.

12. Стратегии симуляции исторической реальности воспроизводятся в компьютерных играх. Они предоставляют возможность погружения в вообра-

жаемые исторические миры виртуальных пространств. Пользователи цифровых технологий могут не только погружаться в виртуальную историческую реальность, играя в компьютерные игры, но и самостоятельно создавать игровые исторические миры. Культура инди-игр, когда пользователь создает игру для собственного потребления и распространяет ее в сети Интернет, включает в себя компьютерные игры на историческую тематику. Игровые исторические пространства имитируют историческую реальность, но чаще всего трансформируют историю в угоду игровым условностям и мировоззренческим установкам пользователей. Массовое распространение компьютерных игр с воображаемыми историческими мирами и их способность эмоционального воздействия на игроков позволяет им влиять на конструирование медиапамяти.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Данная работа открывает новое направление в социальной философии, связанное с исследованием коллективной памяти и процессов конструирования представлений о прошлом в цифровом коммуникационном пространстве. Выводы работы призваны простимулировать рефлексию новых форм общественного сознания, появившихся в результате повсеместного использования цифровых технологий коммуникации. Данное исследование способствует обновлению категориального аппарата социальной философии и углубляет концептуальное содержание теорий, посвященных изучению коллективных форм памяти. Используемый в диссертации коммуникационный подход может быть применен к исследованию коллективно разделяемых представлений о прошлом и других символических феноменов цифрового общества.

Материалы исследования могут быть использованы для разработки образовательных программ и лекционных курсов по философии, социальной философии, философии истории, теории коммуникации, политологии, культурологии, социологии, социальной эпистемологии, связям с общественностью. Результаты исследования применены автором при чтении курсов лекций по дисциплинам «Философия», «Философия и методология науки», «Теория коммуникации», «Философия коммуникации», «Теория и практика связей с общественностью», «Философия видеоигр», «Цифровая эпистемология», «Медиапамять цифрового общества» для студентов бакалавриата и магистратуры Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Научная значимость результатов диссертационного исследования в условиях отсутствия в современной науке комплексного изучения функционирования коллективной памяти в медиасреде видится в создании концептуальной основы для теоретико-методологического развития социальной эпистемологии, направленной на изучение медиапамяти и коммуникационных практик ее конструирования в цифровом мире. Инновационный потенциал результатов исследования состоит в возможности практического внедрения научного продукта при реализации государственной политики памяти, а также разработке методических рекомендаций и способов урегулирования мемориальных конфликтов с целью достижения общественного консенсуса. В сфере образования и популя-

ризации науки данное исследование будет полезно в практике формирования научного представления о прошлом, противостоянии исторической лженауке и различного рода фальсификациям, распространяющимся в медиасреде.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования.

Основные положения и результаты исследования были заслушаны и обсуждены на 56 научных конференциях различного уровня, а также нашли свое отражение в 70 научных публикациях общим объемом 53 печатных листа, из них: 1 авторская и 3 монографии в соавторстве, 17 публикаций из Перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Диссертация обсуждалась на кафедре теоретической и социальной философии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».

Структура диссертации определяется логикой исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав (двенадцати параграфов), заключения, списка литературы из 434 источника (включая 79 на иностранном языке). Всего в тексте диссертационного исследования 356 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект, предмет и степень разработанности проблемы; ставятся цель и задачи исследования; раскрывается научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость работы; приводятся методология исследования, степень достоверности и апробация результатов.

В первой главе «**Методологические основания социально-философского анализа медиапамяти**» рассматриваются основные теории описания коллективной памяти в контексте коммуникационного подхода. Анализ существующих теорий коммуникативной, культурной, социальной, исторической и цифровой памяти показал, что их эвристический потенциал не позволяет раскрыть всю специфику конструирования представлений о прошлом с помощью медиа в эпоху цифровизации, так как медиатизация коллективной памяти приводит к возникновению нового феномена, являющегося виртуальным механизмом воспроизводства воспоминаний в цифровой среде — медиапамяти.

В параграфе 1.1. «**Парадигмальные основания коммуникационного подхода к исследованию коллективной памяти**» показано, что философская мысль, обращавшаяся к проблеме памяти, исходила из наличия не только ее индивидуального характера, но и существования надиндивидуальных форм. Для философов было очевидно, что помимо воспоминаний, возникающих из личного опыта, в сознании присутствуют представления о прошлом, которые формируются социумом. Коллективные воспоминания имеют символический характер и отражены в языке, знаках, ритуалах, т. е. в коммуникативном социальном действии. Социальная природа памяти стала предметом изучения с конца XIX – начала XX вв., когда в работах А. Варбурга, А. Бергсона, Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса закладывались основы понимания коллективных представлений о прошлом. В работах Дж. Г. Мида, А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана и Н. Лумана понимание коллективной памяти было вписано в теорию социального конструктивизма. Они полагали, что память играет определяющую роль в конструировании социальной реальности в ходе развития социальных отношений. Показав, как символическая знаковая система коллективной памяти работает в социальной системе, эти исследователи смогли объяснить ее коммуникационную природу. Это дало возможность теоретикам коммуникационного подхода М. Маклюэну и Ю. Хабермасу рассматривать коллективную память в рамках процессов коммуникации. Таким образом, коммуникационная парадигма исследования коллективной памяти является наиболее перспективной при ее изучении в современном цифровом обществе, так как социальный характер формирования коллективно разделяемых представлений о прошлом позволяет говорить об определяющем влиянии средств коммуникации на механизмы хранения, воспроизводства и забвения социально-значимой информации.

В параграфе 1.2. «**Проблема медиатизации коллективной памяти в предметном поле социально-философских исследований**» констатируется,

что интеграция культуры печатной книги, традиционных средств массовой информации в цифровое пространство и рост социальных медиа, стремящихся захватить каждого человека в свою орбиту, приводят к изменениям в способах воспроизводства образов прошлого, являющихся основой формирования медиапамяти. Конструирование представлений о прошлом в ситуации тотальной цифровизации, постправды, мемориального бума и медиатизации культуры ставит задачу изучения процессов трансформации форм коллективной памяти в медиасреде.

Коллективная память, задавая «социальные рамки» (М. Хальбвакс) индивидуальной памяти, представляет собой обобщенный образ представлений о прошлом. Индивидуальная память является источником формирования памяти коллективной, но также можно наблюдать процесс взаимовлияния, так как коллективная память может восполнять недостаток представлений о прошлом в памяти отдельного человека. Исследования коллективной памяти были направлены на поиск механизмов формирования образов прошлого в индивидуальном и массовом сознании.

Теории культурной и коммуникативной памяти М. Ю. Лотмана и Я. Ассмана объясняли функционирование коллективной памяти в эпоху устной и письменной коммуникации, но они перестают работать при описании способов воспроизводства воспоминаний в цифровой среде. Исследователи социальной памяти Дж. Олик, М. Феррарисс, Дж. Фентресс и К. Уайкем, а также представители советской исследовательской школы в лице Я. К. Ребане, В. А. Колеватова, Б. Илизарова подчеркивали коммуникационные свойства коллективной памяти и ее информационную природу, однако, упускали из виду медиа в качестве посредника социальных отношений. Современные концепции медиатизации памяти в цифровую эпоху ограничиваются рассмотрением коммуникативной памяти в понимании Я. Ассмана, т. е. памяти о недавнем прошлом, охваченным временем существования современных цифровых медиа. В работах Дж. Гарде-Хансен и Э. Хоскинса и др. рассматривается теория цифровой памяти, которая вобрала в себя основные идеи теоретиков коммуникативной и социальной памяти. По их мнению, одной из определяющих характеристик социальной памяти является ее коммуникационная природа. Осмысление социальной памяти как цифровой, прослеживаемое в теоретических исследованиях направления *digital memory studies*, обусловлена цифровизацией способов коммуникации. Цифровая память формирует коллективно разделяемые представления о прошлом в процессе взаимодействия индивидов и фиксации социальных актов в документах или воспоминаниях посредством информационных технологий. В то же время, эта концепция не учитывает особенности коммуникационного пространства цифровой среды, в котором под влиянием процесса медиатизации предельно уменьшается или исчезает дистанция между близким и далеким прошлым. Историческая память в теоретических исследованиях рассматривается либо как механизм конструирования представлений о прошлом при помощи исторической науки, создаваемой институализированными учеными, либо как массовое представление о истории, формирующееся под влиянием

проводимой политики памяти. Таким образом можно отметить, что существующие теории коллективной памяти не могут дать адекватного описания механизмов конструирования и функционирования представлений о прошлом, так как определяют его через понятия культуры, социальных отношений, коммуникативного акта, истории, цифровой среды, не принимая во внимание, что в эпоху цифровизации медиа являются главным посредником социальных взаимодействий и процессов коммуникации. Вместе с тем, рассмотренные теории коллективной памяти закладывают основы концепции медиапамяти, так как выявляют ее коммуникационную природу и социальный характер.

В параграфе **1.3. «Медиапамять как социальный феномен цифрового общества»** доказывается, что в современном обществе коллективная память уже не существует как коммуникативная, культурная, историческая или социальная. Она подверглась глубокой цифровой трансформации, и поэтому требуется введение новых понятий для ее описания. Существующие теории медиатизации и цифровизации коллективной памяти рассматривают ее функционирование посредством электронных медиа и цифровых технологий, а также объясняют, как конструируются представления о прошлом, попавшем в медиа в качестве новостей или воспоминаний о недавних событиях, имеющих отношение к жизни одного-двух поколений. Влияние же на коллективно разделяемые представления о прошлом культурных образов и исторических событий более ранних периодов игнорируется исследователями цифровой памяти и медиа. Традиционные медиа поглощают пространство культуры, для которых она является неиссякаемым источником визуальных образов и текстов, а цифровые медиа стремятся оцифровать каждый культурный объект. Культура становится медийной и цифровой, но она продолжает оставаться генератором представлений о прошлом.

В цифровую эпоху медиатизация культуры и социальных процессов приводит к складыванию особого коммуникационного механизма конструирования представлений о прошлом при помощи медиа, что позволяет говорить о возникновении новой формы коллективной памяти — медиапамяти. Элементами коммуникационного механизма медиапамяти являются каналы коммуникации, информационные технологии, практики коммеморации, стратегии визуализации, способы репрезентации и трансляции образов прошлого, ставшие в современную эпоху цифровыми. Медиапамять представляет собой коммуникационный феномен цифровой среды, вобравший в себя формы памяти, характерные для доцифрового мира: коммуникативную память, культурную память, социальную память и историческую память. Конвергенция этих форм и их трансформация в медиапамять были predeterminedены коммуникативностью, основным их общим свойством, с того времени как все коммуникационные процессы были опосредованы медиа. Они стали играть роль не только инструмента формирования общественного мнения, а превратились в хранилища информации и образов прошлого. Политика памяти как набор приемов и методов конструирования и внедрения в массовое сознание представлений о прошлом полностью интегрирована в медиа. Акторами политики памяти в медиасфере стали не

только общественные институты и государство, но и неинституализированные массы, прежде всего, интернет-пользователи. Они привнесли в медиапамять основные коммуникативные тенденции, характерные для цифрового общества, сделав ее эмоциональной, пластичной и плюралистичной. Личностные оценки в представлениях о прошлом в ней имеют наибольшее значение и предпочитают данным профессиональной исторической науки или навязываемым шаблонам, что порождает мемориальные войны, которые ведутся не только на уровне государств, но и локальных сетевых сообществ.

Медиапамять является частью коммуникационного пространства цифрового общества. Коммуникационное пространство является формой бытия человека, обладающей возможностями организации социальных связей и реализации социальных интеракций при помощи каналов коммуникации. В цифровую эпоху коммуникационное пространство развивается по пути медиатизации социальных связей и интеракций, делая опосредованными медиа большинство актов коммуникации. В этой ситуации складывается особый коммуникационный механизм конструирования представлений о прошлом при помощи медиа и цифровых технологий, так как они определяют способы хранения, воспроизводства и забвения социально-значимой информации.

Во второй главе **«Медиапамять и историческое познание в цифровом мире»** прослеживается каким образом в эпоху цифровизации историческое знание переходит в коллективную память. Так как интенсивное развитие цифровых медиа увеличивает включенность пользователей в производство знаний это приводит к коммуникационному раскрепощению субъекта познания и трансформации социально-эпистемологического фона его социальной активности. Цифровая повседневность порождает новые эпистемические практики, формирующие коллективно разделяемые представления о прошлом

В параграфе **2.1. «Историческая эпистемология в условиях цифрового поворота»** выявлено, что познание прошлого в условиях цифрового поворота приобретает новые смыслы, методы и формы. Производство исторического знания перестало быть монополией академических историков-профессионалов, а его распространение уже не столько задача средств массовой информации, сколько дело рук миллионов пользователей новых медиа. Отказавшись от молчания, массы активно осваивают цифровые способы производства исторического контента для выражения собственной версии исторической правды, формирования исторической реальности, самореализации и развлечения. Представления о прошлом конструируются в социальных медиа при помощи мемуарных и коммеморативных практик, массовых и локальных цифровых краудсорсинговых проектов, в историческом сегменте сетературы и видеоблогинга, что наглядно демонстрирует специфический вид пользовательской активности, который можно обозначить как хисторихакинг. Понятие «хисторихакинг» появилось в западном сегменте индустрии научно-популярных развлечений, этим словом обозначают интерактивные исторические квесты с элементами дополненной реальности. Также оно встречается в жанровой историко-фантастической литературе, объединяя тематику прогрессорства, попаданче-

ства и альтернативной истории. Хисторихакинг можно определить как изменение исторического знания, которое способно удовлетворить запрос общества на актуальную память о прошлом, не взирая на истинность или ложность исторических фактов. Хисторихакер провозглашает истинность знания, угождая общественной потребности, а не в силу очевидности исторического факта. В эпоху постправды общество требует исторических знаний, содержащих в себе элементы сторителлинга, оценочные суждения, интернет-мемы и мифы. Такой контент позволяет быстро объяснить актуальную действительность, происходящее здесь и сейчас, и требует незамедлительного лечения травм памяти через высказывание своей личной позиции, внесения своего вклада в коллективный рассказ. Этот тренд демонстрирует массовую интенцию на освоение и приватизацию макроистории, включения ее в переработанном виде в пространство личности и создание собственной субъективной картины исторической реальности.

В параграфе **2.2. «Социально-эпистемические арены конструирования медиапамяти»** делается вывод о том, что цифровой поворот в гуманитарных исследованиях обозначил проблему производства исторического знания в условиях цифровизации. В цифровом обществе конструирование представлений о прошлом осуществляется не только в рамках исторической науки, но и в пространстве социальных медиа. В результате цифрового поворота, изменяется роль современных профессиональных историков, а также происходит конвергенция академической исторической науки и обыденного исторического знания при помощи цифровых технологий. Историческая наука, существующая в парадигме «Digital Humanities», обрела новый объект познания — коллективную память, отказываясь от изучения прошлого как несуществующей реальности в пользу исследования представлений о нем. Историческое знание все больше сближается с коллективной памятью, так как и то, и другое формируется в многоканальном процессе коммуникации в рамках социально-эпистемических арен. Социально-эпистемические арены представляют собой коммуникационные площадки производства исторического знания, вырабатываемого учеными-профессионалами, «умными толпами» и цифровыми технологиями в коллективных форматах работы. Познание, осуществляемое участниками социально-эпистемических арен, является распределенным. Оно завязано на социальный контекст и коллективную память, так как предполагает включение в новые интерпретации прошлого всего предыдущего опыта осмысления исторической реальности всех участников процесса познания. Участие масс интернет-пользователей, присваивающих себе результаты коллективной исследовательской работы, в изучении истории приводит к нивелированию границ между историческим знанием и памятью. Устройство социально-эпистемических арен основывается на принципах риторических арен коммуникационного пространства, гражданской науки и подчинена логике медиа. Осмысление новых способов производства исторического знания, обусловленного использованием информационных технологий и социальных медиа, происходит в исторической эпистемологии с учетом социальных условий познания, что сближает ее с со-

циальной эпистемологией. Социальная эпистемология позволяет выйти на обоснование существования социально-эпистемических арен, рассматриваемых как часть коммуникационного пространства производства знания, и разработать эффективную методологию их исследования.

В параграфе 2.3. **«Умные толпы» гражданской исторической науки как агент медиапамяти** показывается, что современная цифровая среда характеризуется большей предрасположенностью к социальному взаимодействию чем какая-либо другая в предшествовавшие исторические эпохи. Интернет-коммуникация создала предпосылки для объединения людей с любыми целями: политическими, производственными, культурно-досуговыми. Социальные медиа сделали возможным практику реального взаимодействия больших групп людей, которое осуществляется как в офлайн, так и онлайн форматах. Массовость стала отличительной чертой социального действия, имеющего в то же время сетевой характер. Социальные сети упрощают коммуникацию и создают новые основания для развития социальной солидарности. В первую очередь, они трансформируют социальную функцию массы, одного из самых проблематичных для социально-философской традиции коллективных субъектов.

Массы интернет-пользователей, создавая исторический контент в ходе совместной деятельности и распространяя его через социальные медиа, активно участвуют в интерпретации прошлого. В историческое знание, которое они производят при помощи цифровых технологий, закладывается мощный мировоззренческий компонент, актуализирующий прошлое в современности. Историческая реальность, сконструированная «умными толпами», становится им понятной и близкой. Более того, история начинает восприниматься ими не как отвлеченная наука, не имеющая практического значения здесь и сейчас, а как собственный продукт научного творчества. Процесс получения исторического знания и конечный результат остаются в памяти массы интернет-пользователей, причастных к его созданию. Так историческое знание переходит в разряд памяти, растворяется в медиа, тиражирующих его и пополняет содержание медиапамяти, откуда «умные толпы» черпают информацию для дальнейшего воспроизводства представлений о прошлом. «Умные толпы» интернет-пользователей выступают важнейшим социальным агентом медиапамяти.

В третьей главе **«Конструирование медиапамяти в контексте «демократизации» и цифровизации истории»** исследуются процессы, обеспечивающие непрерывное воспроизводство цифрового прошлого в интернет-среде, ставшей пространством памяти. В современном социуме общность прошлого задается сложной сетью институтов и агентов медиапамяти, которая в цифровую эпоху все интенсивнее разворачивается в коммуникационном пространстве через горизонтальные связи между индивидами. Присвоение информации статуса свидетельства прошлого сегодня происходит через цифровую объективацию, и не важно идет ли речь о результатах научного исследования или о постах в блогах социальных медиа. Медиапамять обеспечивает транспоколенческую диахроническую целостность медиaprостранства, она позволяет использовать прошлое для проектирования будущего, формируя коллективную иден-

тичность как фундамент социальной солидарности. Особенностью медиапамяти является перевод исторического знания в форму цифрового контента, его мифологизация и широкое распространение участия пользователей-обывателей в создании такого контента.

Параграф 3.1. «Цифровая история и цифровая философия истории в структуре медиапамяти» посвящен рассмотрению эволюции методов исторического познания в эпоху появления информационно-коммуникационных технологий, феномену цифровой истории и рассмотрению возможности институализации цифровой философии истории. Под цифровой историей в работе понимается не методологический подход, изучающий прошлое на основе применения информационных технологий и цифровых медиа, а история цифрового общества. Вырабатываемое историческое знание о ней представляет собой субъективированную информацию о прошлом, подверженную бесконечным интерпретациям и данную в распределенном состоянии. Целостное восприятие исторического процесса цифровой истории возможно только через систему гиперссылок, созданных в сети Интернет, цитирований и репостов в социальных медиа, позволяющих быстро находить, анализировать, трансформировать и презентовать новое историческое знание в медиaprостранстве. Цифровая история является продуктом цифрового общества, порождающим глобальные изменения в бытии современного человека и способах научного познания.

Кризис традиционной философии истории, прежде всего, формационного и цивилизационного подходов, породил появление новых направлений в исторической науке, таких как микроистория, *memory studies*, интеллектуальная история и т. п. В их рамках совершенствовались методы исторического познания, что, однако, происходило в ущерб созданию макроисторических моделей прошлого. Накопление огромных массивов исторической информации парадоксальным образом не приводит к появлению крупных теоретических исследований всеобщей истории человечества. Внимание современных историков концентрируется на истории человека или отдельных сообществ и событий. Однако, именно наличие беспрецедентного объема исторической информации, который не под силу охватить одному исследователю, приводит к тому, что философия истории, осмысляющая исторический процесс в целом, создается сегодня усилиями «умной толпы», т. е. пользователями сети Интернет, и может быть рассмотрена как глобальный гипертекст, связанный системой перекрестных ссылок. При этом благодаря Интернету гуманитарная наука обогатилась новыми методами познания, что привело к формированию различных направлений цифровой гуманитаристики, в том числе и цифровой истории, но отсутствие метанарративов, выдвигающих глобальные историософские концепции и непригодность существующего категориального аппарата для описания реальностей цифрового мира приводят также к необходимости разработки концепции цифровой философии истории. Цифровая философия истории способна стать научной дисциплиной, призванной создать теорию цифрового общества, осмысляющей его историю и очерчивающей контуры будущего.

В параграфе 3.2. «Историческая лженаука как социально-эпистемологическая практика» обосновывается, что историческое знание сегодня представлено во многих формах: исторической беллетристики, альтернативной истории, криптоистории, фолк-истории и др., они присутствуют в медиaprостранстве, массовом сознании и соперничают с исторической наукой в формировании представлений о прошлом. Различные познавательные практики, не претендующие на статус науки, имеют давнее происхождение и выполняют в обществе социокультурную роль, обеспечивая формирование медиапамяти, переводя научное знание на язык простого обывателя. Критика исторической лженауки вовсе не означает автоматической дискриминации ненаучных и промежуточных форм знания или нивелирования их социокультурной функции, также как признание историчности и многообразия форм исторического знания вовсе не предполагает релятивизма в смысле отказа от оценки этих форм и перехода к «методологическому анархизму». Вполне возможно признавать и объяснять плюрализм исторического знания, не принимая тезисы о равной ценности его элементов и форм.

Историческая наука относится именно к научному знанию, обладая разработанной методологией исследований, имея развернутый и обоснованный инструментарий познания прошлого, структурированный научный аппарат и язык описания полученных результатов. Функции исторической науки вполне укладываются в структуру функций научного познания, вплоть до признания за ней возможности истинного описания действительности и наличия прогностической функции. К исторической лженауке соответственно относятся тексты, претендующие на научность, однако, таковыми не являющиеся, так как, соответственно, игнорируют методологию исторического исследования, научный аппарат и инструменты познания истории, такие как критика исторических источников, изучение историографии, текстологический анализ и др. и на этом основании отрицают установленные исторические факты. К исторической лженауке можно с полным основанием отнести исторический ревизионизм (негационизм), представленный псевдоисторическими теориями, претендующими на истинность, которые пересматривают исторические концепции на основе отрицания фактов прошлого, их фальсификации либо произвольной интерпретации исторических источников.

Если исходить из характерной для современного цифрового мира объективации коллективной памяти в медиасфере, а также масштабы включенности населения планеты в эти процессы, роль исторической лженауки в воспроизводстве медиапамяти (что в соответствии с постулатами социального конструктивизма равнозначно воспроизводству социальной реальности) представляется если не триумфальной, то фундаментальной. Интеллектуальные процедуры ее производства чаще опираются на воображение нежели на чистое познание; «творцы» тратят много усилий на собственную медийность, узнаваемость и известность; язык близок к масскульту, концептуальное содержание в силу примитивности пригодно для трансляции современными медиа. Знание, создаваемое исторической лженаукой – это знание, созданное для масс, на языке масс,

представителями масс. Именно поэтому оно пригодно для манипулирования массами и по той же причине так востребовано. Однако, лженаука существует только потому, что есть наука и она глубоко вторична по отношению к науке и без нее существовать не может. Многообразие форм знания отнюдь не означает их когнитивной равноценности. За массой всегда скрываются люди, экзистенциальные ситуации которых не разрешимы манипулятивными технологиями. Мировоззренческие функции лженауки реализуются после того, как наука уже выполнила свою роль, создала исходную картину прошлого и систему его оценок.

В параграфе **3.3. «Цифровая мифология медиапамяти»** фиксируется, что современное научно-технологичное общество продолжает обращаться к социальным мифам для объяснения действительности также как оно это делало в предыдущие исторические периоды. Использование сложнейших информационных технологий и цифровой техники, осуществление значительной части социальной жизни в виртуальном пространстве и цифровизация повседневной реальности позволяет говорить о современном обществе как цифровом. Цифровое общество перестраивает коммуникационные процессы, переводя их в сетевой формат, который направлен на создание устойчивых социальных связей при помощи цифровых технологий. Миф способствует укреплению и обоснованию этих связей, а также связывает индивида с действительностью, подвергающейся тотальной цифровизации. Цифровизация человеческого бытия неизбежно приводит к появлению цифрового сознания, частью которого является миф. Сегодня изучение и осмысление мифологии цифрового общества происходит в парадигме цифрового поворота, который затронул все сферы гуманитарных исследований.

Цифровые мифы создаются усилиями индивидов, репрезентирующих себя в сетевых сообществах, массами интернет-пользователей, осуществляющих конвергенцию образов массовой культуры и мифов при помощи цифровых технологий, распространяя их в социальных медиа. Новые медиа позволяют любому интернет-пользователю стать мифотворцем, создателем мифологических нарративов, которые служат конструктами повседневной реальности. Условием создания цифровых мифов является визуализация мифообразов и смыслов массовой культуры, в которые облекаются новостные, культурные или политические сообщения. Интернет-пользователи упаковывают цифровые мифы в распространяемые по сети информационные сообщения, транслируя с их помощью свою эмоциональную оценку действительности и свой взгляд на мир. Цифровые мифы находят свое воплощение в селфбрендинге, феномене постправды и фейках, интернет-мемах, компьютерных играх и т. д. Цифровая мифология стала неотъемлемой частью цифрового мира, и в ней работают механизмы сопряжения сакрального прошлого истоков, героического времени борьбы, стабильного «преднастоящего», настоящего и будущего. Мифологическая «линейка времени» зависит от опыта художественного осмысления времени и коммуникационного уклада. Если для модерна характерен синтез мифологического циклического времени с линейным временем исторической науки, постмодерн от-

крывает возможности для эстетических экспериментов с временной последовательностью прошлого, настоящего и будущего. Становится очевидной готовность цифровых масс к применению эстетических приемов постмодерна в низовом создании образов прошлого. Новая мифологизация прошлого не является внутренним делом субъекта. Она не сводится к согласию с тиражируемыми образами или отказу от них. Интернет-среда впервые в истории сделала возможным коммуникативное освобождение масс, позволив им активно транслировать собственную версию прошлого, создавая цифровой контент, востребованный в массовом же потреблении. Медиапамять как полифоническое многоголосое целое сегодня разворачивается силами цифровых медиа от институтов к приватизирующему, обживающему и осваивающему прошлое индивиду. Эта приватизация и персонализация осуществляется цифровыми способами, переводит коллективную память в новую форму, производящую соответствующий продукт – цифровое прошлое.

В четвертой главе **«Медиапамять в эпоху постправды»** показан вклад социальных медиа, ориентированных на изображение и обеспечивающих визуальным рядом большинство сетевых медиатекстов, в конструирование представлений о прошлом. Интернет-пользователи воспроизводят образы прошлого и создают историческое знание, компилируя находящиеся в Сети источники информации, наделяя их оценочными эмоциональными суждениями. Достоверность получаемой исторической информации для интернет-пользователей, живущих в эпоху постправды, становится не важна. Интернет-мемы, фейковые исторические сообщения, компьютерные игры, будучи эмоционально близки им воспринимаются как часть исторического знания, которое прочно закрепляется в их сознании, формируя медиапамять и мировоззренческие позиции.

В параграфе **4.1. «Исторический фейк в структуре медиапамяти»** проведено исследование исторических фейков, являющихся неотъемлемой частью медиапамяти эпохи постправды. В социальных медиа фейки представляют собой гибридные формы узлов (фейковых профилей) и контента (фейковых сообщений), объединяющих трансжанровые игры с медиатекстом и трансляцию манипулятивного содержания. Интернет-фейки являются сложной системой, включающей в себя ботов и пользователей социальных сетей, которые производят и тиражируют эмоционально окрашенный контент определенного жанра. Производство и распространение фейков обеспечивает функционирование новых процедур верификации и легитимации социального знания, применяемых для широкого спектра целей (установление влияния, манипуляция, развлечение, повышение популярности). Исторический фейк является разновидностью интернет-фейка, содержащего информацию, сконструированную при помощи фальсификации исторических фактов или исторических источников.

В основе исторического фейка сетевого формата может лежать фальсификация исторического источника, служащего «неоспоримым» доказательством какого-либо исторического события или теоретического положения, эмоциональное высказывание на историческую тему, которое выражает определенные стереотипы и убеждения, не имеющие отношения к реальности, или

фейковые (поддельные либо отредактированные графическими способами) исторические фотографии, которые, обладая силой документального свидетельства, якобы представляют визуальное подтверждение фальсифицируемых событий. Фальсифицироваться в фейковом сообщении может любой элемент или все они в совокупности. Кроме того, появление исторического фейка всегда направлено на сенсационность, достигаемую через персонификацию (связь с известной и часто неоднозначной исторической личностью), гиперболизацию, драматизацию, фамильярность, радикализм, дезориентацию и обращение к табуированной в обществе тематике.

В условиях постправды для запуска волны фейков создание материального памятника становится избыточным, достаточно имитации открытия нового исторического источника или интерпретации исторических событий, значимых для повестки дня. Исторические фейки включают в гибридные сетевые форматы различные пласты медиапамяти, что позволяет малым по объему сообщениям эффективно воздействовать на коллективные эмоции. Опора на историческую мифологию обеспечивает длительность жизненного цикла исторического фейка и его устойчивость к опровержениям и разоблачениям. Интернет-контент, эксплуатирующий образы прошлого в целях внедрения в коллективную память искаженных по отношению к научным данным представлений о прошлом, представлен в современном медиа пространстве во всех доступных форматах. Он представляет собой новое коммуникационное явление, нуждающееся в изучении на основе междисциплинарных подходов. Материалы кейса о находке и публикации «Русского летописца 1649 г.», якобы являющемся первоисточником «Повести временных лет», показывают способность исторического фейка подкреплять историческую самоидентификацию его создателей и наносить урон исторической самоидентификации их оппонентов, благодаря которой исторические фейки становятся мощным гибридным оружием современных мемориальных войн медиапамяти.

В параграфе «**4.2. Визуализация образов прошлого в сетевой коммуникации**» утверждается, что в процессе трансформации исторического знания в медиапамять большую роль приобретает визуализация прошлого. Образное визуальное восприятие исторической информации облегчает пользователям ее усвоение и принятие, в этой связи визуализацию можно рассматривать в качестве исследовательского средства. Она представляет собой процесс создания образов, с максимальной степенью эффективности воздействующих на сознание, трансформируя и (или) символически перекодируя социальные практики индивидов, являясь одним из наиболее действенных способов репрезентации смыслов и идей.

В цифровую эпоху массовое производство визуальных исторических образов в медиaprостранстве усилиями интернет-пользователей становится одним из главных способов конструирования социальных мифов. Последние прочно входят в структуру медиапамяти. Визуализация медиапамяти повышает эмоциональную составляющую восприятия феноменов прошлого, порождая тоску по ушедшей исторической реальности. Ностальгия стирает грань между

историей и памятью, делая историческое знание формой репрезентации представлений о прошлом. Бесконечное производство и воспроизводство визуальных исторических образов ведет к их полисемантической и определяет плюрализацию стратегий репрезентации исторических событий. Множественность исторических интерпретаций и семантических значений образов памяти приводит к симуляции исторической реальности в виртуальном пространстве.

В эпоху постправды симуляция истории и ее мифологизация создают платформу для появления исторических фейков, идеальным воплощением которого является интернет-мем. Он представляет собой эффективную форму участия интернет-пользователей в создании цифровой культуры, а отражение в нем образов прошлого способствует визуализации медиапамяти. Однако, интернет-мем всегда соединяет представления о прошлом с элементами современной массовой культуры и актуальной повесткой дня. Объединение различных фрагментов медийного контента и исторического эмпирического материала способствует появлению нового медийного продукта, который оказывает определяющее влияние на медиапамять. В основе данного влияния лежат такие свойства мема, как востребованность массами интернет-пользователей, мгновенное распространение и сильное эмоциональное воздействие.

Темами исторических интернет-мемов очень часто являются факты прошлого, востребованные повесткой дня и эмоционально воздействующие на общество. Причем достоверность фактов не играет особой роли, что роднит мемы с фейками. В виде интернет-мемов могут выступать афористичные высказывания исторических личностей либо высказывания современников на историческую тематику, также основой для создания мемов служат ключевые события истории, имеющие важнейшее значение для развития государства и общества. Интернет-мем используется как новая форма передачи мифоинформации (от целых мифов до единичных мифем и мифологем) в рамках процессов мифологизации поворотных моментов истории. В них за основу ключевого сообщения исторического характера, передающего мифологизированную информацию, берется персонифицированный образ исторического деятеля, так как основным компонентом интернет-мема является визуальный образ. Визуализация медиапамяти в интернет-мемах демонстрирует динамичность, подвижность и модифицируемость представлений о прошлом в популярной культуре. История, сохраняя свою ценность, перестает быть только жизненным ориентиром. Она превращается в развлекательный контент, где служит выражению мировоззренческих установок интернет-пользователей и отражает их взгляды на происходящие события.

В параграфе 4.3. «**Стратегии конструирования воображаемых исторических миров в игровой индустрии**» рассматривается один из наиболее распространенных цифровых способов виртуальной реконструкции и репрезентации исторических событий — компьютерные игры. Они позволяют создавать воображаемые исторические миры, в которых можно как отображать историческую реальность, так и видоизменять ее по усмотрению гейм-дизайнера или игрока. Компьютерные игры на историческую тематику являются эффективным

способом постижения истории. Погружаясь в игру, пользователь приобретает персональный личностный опыт познания прошлого. Проходя виртуальные миры, он знакомится с историей повседневности, историческими событиями и делает их частью своей индивидуальной памяти. В играх же он может, оставаясь в историческом сеттинге менять характеристики прошлого и исторические детали, создавая свои собственные пространства истории. Реконструкции в играх подлежат в первую очередь внешние аспекты социальных практик. Сложные мировоззренческие феномены реконструируются с гораздо меньшей степенью детализации, на основе поляризации антитезы «свой-чужой», упрощения и гиперболизации.

Компьютерные игры реконструируют исторические события, воссоздают культуру и повседневность прошлого, но, в то же время, трансформируют историю в угоду игровым условностям. Исторический материал, представленный в форме компьютерной игры, способен влиять на формирование медиапамяти. Анализ компьютерных игр показал, каким образом они воспроизводят реальные исторические события, воссоздают повседневность, опираются на ментальные характеристики народов, формируя образы прошлого, соответствующие исторической достоверности. Вольная интерпретация истории и мифов в сочетании со стереотипами массовой культуры создает игровой продукт, оказывающий влияние на медиапамять. Реалистичность игр с исторической тематикой не является определяющей характеристикой степени влияния на идентичность современных сообществ. Игры с воображаемыми историческими мирами также эффективно конструируют медиапамять, как и нарративы о реальном прошлом.

Культура исторических компьютерных инди-игр построена на феномене ностальгии. Они стали отличной возможностью вернуться в прошлое, погрузиться в историю, почувствовать себя участником исторических событий и даже их творцом, так как создание и изменение игр позволяет воссоздавать любую историческую действительность. Одной из главных особенностей инди-игр является их меметичность. Можно сказать, что сами по себе инди-игры являются сложными интернет-мемами, поскольку обладают вирусной природой и распространяются по Сети с невероятной скоростью. Популярность инди-игр обеспечивают используемые в них яркие образы и ощущения, которые легче всего запоминаются публикой.

Игровые компьютерные миры исторических игр не являются репрезентациями социальной истории, воспроизводя общую логику игр, они представляют собой аллегории мира, переделанного в игровое пространство. Насилие над историей выступает основой хисторихакинга, такого изменения исторического знания, пригодного для удовлетворения социального запроса на актуальную память о прошлом, которое не требует учета достоверности этого знания. Компьютерные игры по исторической тематике тяготеют к полному воссозданию социокультурного контекста эпохи, вольно относясь к реальным событиям, чтобы позволить пользователю менять их, а, значит, переживать как свои собственные, случившиеся лично с ним. Основанные на личностных переживаниях

и массовых стереотипах компьютерные игры стали объектом историхакинга, который можно назвать важнейшим инструментом конструирования медиапамяти в цифровом мире.

В «**Заключении**» подводятся итоги диссертационного исследования, намечаются перспективы дальнейшей научной деятельности в рамках выбранного направления.

Основные положения диссертации отражены в следующих научных публикациях автора:

Публикации в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, из них

в изданиях, отнесенных к категории К-1, К-2 и индексируемых RSCI

1. Артамонов, Д.С. Цифровая идентичность в контексте цифровой памяти / Д. С. Артамонов // Цифровой учёный: лаборатория философа. – 2023. – Т. 6, № 1. – С. 15-20. – DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-15-20

2. Артамонов, Д. С. Коммуникационный подход к исследованию социальной памяти / Д. С. Артамонов, В. Б. Устьянцев // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 11(103). – С. 13-17. – DOI 10.24158/fik.2022.11.1

3. Артамонов, Д. С. Социально-эпистемические арены познания истории / Д. С. Артамонов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 238-242. – DOI 10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242

4. Артамонов, Д. С. Мультипликация как форма медиапамяти: образ Петра I в анимационных фильмах / Д. С. Артамонов // Российский гуманитарный журнал. – 2022. – Т. 11, № 2. – С. 142-148. – DOI 10.15643/libartrus-2022.2.6

5. Артамонов, Д. С. Интернет-мем как способ репрезентации реальности: между антиутопией и мифом / Д. С. Артамонов // Цифровой учёный: лаборатория философа. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 14-21. – DOI 10.32326/2618-9267-2022-5-1-14-21

6. Артамонов, Д. С. Образ Петра I в мифологическом контексте / Д. С. Артамонов, Г. В. Ясакова // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 184-192. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2021.3.18

7. Артамонов, Д. С. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур / С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 63. – С. 43-52. – DOI 10.17223/1998863X/63/5

8. Артамонов, Д. С. Цифровая культура в контексте атрибутивного подхода / Д. С. Артамонов, З. А. Сливная // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4. – С. 2-13. – DOI 10.18522/2070-1403-2021-87-4-2-13

9. Артамонов, Д. С. Время в цифровой истории / Д. С. Артамонов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология.

Педагогика. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 125-129. – DOI 10.18500/1819-7671-2021-21-2-125-129

10. Артамонов, Д. С. Мемориальные войны в отражении интернет-мемов / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Конфликтология. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 28-40. – DOI 10.31312/2310-6085-2020-15-3-28-40

11. Артамонов, Д. С. Риски цифровизации в пространстве жизненного мира / Д. С. Артамонов, С. М. Фролова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 95-100. – DOI 10.25198/2077-7175-2020-6-95

12. Артамонов, Д. С. Интернет-мем в системе социальной мифологии цифровой эпохи / Д. С. Артамонов, С. М. Фролова // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 11(79). – С. 13-17. – DOI 10.24158/fik.2020.11.1

13. Артамонов, Д. С. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 234-239. – DOI 10.18500/1819-7671-2020-20-3-234-239

14. Артамонов, Д. С. Цифровая философия истории: постановка проблемы / Д. С. Артамонов, В. Б. Устьянцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 4-9. – DOI 10.18500/1819-7671-2020-20-1-4-9

15. Артамонов, Д. С. Новая цифровая солидарность и "реабилитация" толпы / Д. С. Артамонов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 124-129. – DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129

16. Артамонов, Д. С. Историческая лженаука как феномен современной медиасферы / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Диалог со временем. – 2018. – № 65. – С. 317-335.

в изданиях, отнесенных к категории К-3

17. Артамонов, Д. С. "Часы судного дня" и мифологизация времени в цифровую эпоху / Д. С. Артамонов // Socio Time / Социальное время. – 2021. – № 4(28). – С. 9-21. – DOI 10.25686/2410-0773.2021.4.9

Статьи в изданиях, входящих в базы данных Web of Science, Scopus

1. Артамонов, Д. С. Способы медиатизации коллективной памяти в цифровом мире / Д. С. Артамонов, А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер, С. В. Тихонова // Вопросы истории. – 2022. – № 12-1. – С. 114-123. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi15

2. Артамонов, Д. С. Советские вожди в западном медиапространстве / И. В. Суслов, Д. С. Артамонов, А. Р. Файзлиев // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 9. – С. 143-162. – DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-9-143-162.

3. Артамонов, Д. С. Теория конструирования ниш как инструмент исследования медиапамяти / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова, Е. Э. Чеботарева // Шаги / Steps. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 10-24.

4. Артамонов, Д. С. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 75-87. – DOI 10.17976/jpps/2022.05.06
5. Артамонов, Д. С. Медиапамять: теоретический аспект / Д. С. Артамонов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 65-83. – DOI 10.46539/gmd.v4i2.269
6. Артамонов, Д. С. Юмор в исторической памяти: от анекдота и карикатуры к интернет-мему / Д. С. Артамонов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2021. – Т. 3, № 3. – С. 213-237. – DOI 10.46539/gmd.v3i3.181
7. Artamonov, D. S. Holy Selfie as the channel of media memory in the digital world / D. S. Artamonov, E. N. Medvedeva, S. V. Tikhonova, M. L. Volovikova // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2021. – Vol. 3, No. 2. – P. 14-27. – DOI 10.46539/gmd.v3i2.150
8. Артамонов, Д. С. "Гараж" истории: цифровой поворот "независимых исторических исследований" / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Диалог со временем. – 2020. – № 72. – С. 237-254. – DOI 10.21267/AQUILO.2020.72.72.015
9. Артамонов, Д. С. "Окно в Европу" в культурной памяти: метаморфозы фронтальной метафоры / Д. С. Артамонов // Журнал фронтальных исследований. – 2020. – Т. 5, № 2(18). – С. 78-91. – DOI 10.46539/jfs.v5i2.204

Монографии

1. Артамонов, Д. С. Медиапамять в эпоху цифры / Д. С. Артамонов; под ред. д-ра филос. наук, проф. С. В. Тихоновой. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2023. – 180 с.
2. Артамонов, Д.С. Петр I в медиапамяти / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. – 180 с.
3. Артамонов, Д. С. Мифологизация времени в современной медийной среде / Д. С. Артамонов, А. Г. Иванов, А. А. Линченко, И. П. Полякова, С. В. Тихонова – Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2022. – 323 с. С. 66-86, 113-171
4. Артамонов, Д. С. Историческая память в социальных медиа / С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2021. – 264 с.

Публикации в других изданиях

1. Артамонов Д. С. Интернет-мем: конструируя прошлое в цифровую эпоху / Д. С. Артамонов // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей / Под ред. А. Ф. Павловского и А. И. Миллера. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. С. 134-147.
2. Artamonov, D. S. Mythologization of Time in the Computer Games / D. S. Artamonov, S. V. Tikhonova // Proceedings of the 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar 2022, ComSDS 2022, St. Petersburg, 13 апреля

2022 года. – St. Petersburg, 2022. – P. 125-128. – DOI 10.1109/ComSDS55328.2022.9769161

3. Artamonov, D. S. Temporality of law in light of axiology / D. S. Artamonov, S. S. Kalinin, S. A. Kulikova, S. V. Tikhonova // SHS Web Conf. - Volume 134 (2022) 00100. 14th Session of Euro-Asian Law Congress “The value of law”, 2021. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400100>

4. Артамонов, Д. С. Ностальгия по СССР в индустрии впечатлений: музеи советского быта / С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. – 2022. – № 1(1). – С. 137-152. – DOI 10.34680/EISCRT-2022-1(1)-137-152

5. Артамонов, Д. С. "Безжалостная милостивая Лета" Б. Мелкевика: коллективная ответственность и культура отмены в мемориальных войнах / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 2(12). – С. 15-21. – DOI 10.22394/2686-7834-2022-2-15-21

6. Артамонов, Д. С. Цифровизация социальной памяти / Д. С. Артамонов, З. А. Сливная // Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание: Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 14–16 сентября 2022 года / Под общей редакцией В. Ю. Ефанова. – Москва: РГГУ, 2022. – С. 195-197.

7. Артамонов, Д. С. Цифровой поворот в исследованиях социальных мифов / Д. С. Артамонов // После постпозитивизма: материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки, Саратов, 08–10 сентября 2022 года. – Москва: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2022. – С. 727-730.

8. Артамонов, Д. С. Образ Петра I и его эпохи в настольных и компьютерных играх / Д. С. Артамонов, Е. С. Сониная // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2021. – № 9-2. – С. 252-276. – DOI 10.28995/2686-7249-2021-9-252-276

9. Артамонов, Д. С. Медиапамять в культуре фанфикшн: образ Петра I в сетевой литературе / Д. С. Артамонов // Tempus et Memoria. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 26-33. – DOI 10.15826/tetm.2021.1.004

10. Артамонов, Д. С. Введение брадобрития и ношения "немецкого" платья Петром I в исторической памяти / Д. С. Артамонов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 4-11. – DOI 10.18500/1819-4907-2021-21-1-4-11

11. Artamonov, D. S. Digital Mythology: A New Direction In The Study Of Social Myths / D. S. Artamonov, E. N. Medvedeva, S. V. Tikhonova, Z. A. Slivnaia // Perishable And Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Veliky Novgorod, Russian Federation, 22–23 ноября 2021 г. / Eds. by D. Ye. Krapchunov, S. A. Malenko, V. O. Shipulin, E. F. Zhukova, A. G. Nekita, O. A. Fikhtner. – Veliky Novgorod, Russian Federation: European Publisher, 2021. – P. 1-7. – DOI 10.15405/epsbs.2021.12.03.1

12. Artamonov, D. S. Data-Visualizing Language UML And Metalanguage USC For Historical Memes Studies / S. Kalinin, D. Artamonov, E. Medvedeva [et al.] // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proceedings of the International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021), Samara, 21–23 октября 2021 г. – Vol. 119. – Samara, 2021. – P. 556-568. – DOI 10.15405/epsbs.2021.12.02.67.
13. Артамонов, Д. С. Историхакинг: компьютерные игры как инструмент конструирования представлений о прошлом / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: труды III Всероссийской научной конференции, Нижний Новгород, 26–28 ноября 2021 года / Русское общество истории и философии науки. – Москва: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2021. – С. 206-210.
14. Артамонов, Д. С. Эпистемические арены цифровой истории / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Мир человека: нормативное измерение - 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма: Сборник трудов международной научной конференции, Саратов, 07–09 июня 2021 года / Ред. И. Д. Невважай. – Саратов: Изд-во СГЮА, 2021. – С. 299-307.
15. Артамонов, Д. С. Селфи как инструмент репрезентации Прошлого / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // INTERLINGUA - 2021: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Липецк, 18–19 мая 2021 года. – Липецк: Липецкий гос. технический университет, 2021. – С. 15-21.
16. Артамонов, Д. С. Историческая справедливость в системе целей государственно-правовой политики памяти РФ / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Справедливость в постсоветском правопорядке: понятие, принцип, цель : Сборник статей научной конференции, Москва, 06–07 ноября 2020 года. – Москва: Издательство "Юрлитинформ", 2021. – С. 62-77.
17. Artamonov, D. S. Mythologizing Time in Internet Memes of the COVID-19 Pandemic Period / D. S. Artamonov, S. V. Tikhonova, M. L. Volovikova // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021, St. Petersburg, 14 апреля 2021 года. – St. Petersburg, 2021. – P. 154-157. – DOI 10.1109/ComSDS52473.2021.9422862
18. Artamonov, D. S. The Representation of the State Memory Politics in National Constitutions: Axiological Aspects / D. S. Artamonov, M. L. Volovikova, S. A. Kulikova, S. V. Tikhonova // Proceedings of the XIV European-Asian "The value of law" (EAC-LAW 2020). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – Volume 498. – P. 161-167. DOI 10.2991/assehr.k.201205.029
19. Artamonov, D. S. The Communicative Theory of Law in the Context of Digitalization: Social Consciousness and Communicative Memory / D. S. Artamonov, S. V. Tikhonova, O. A. Somova, T. A. Kostritskaya // Proceedings of the XIV European-Asian "The value of law" (EAC-LAW 2020). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – Volume 498. – P. 394-401. DOI 10.2991/assehr.k.201205.065

20. Artamonov, D. S. Professional Communication of a Historian in the Digital Society / S. V. Tikhonova, D. S. Artamonov, M. L. Volovikova // Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2020, St. Petersburg, 08 апреля 2020 г. – St. Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2020. – P. 9101312. – DOI 10.1109/ComSDS49898.2020.9101312
21. Артамонов, Д. С. Убить сына: смерть наследников престола в механике медиазабвения / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2020. – Т. 5, № 3. – С. 160-175. – DOI 10.18522/2415-8852-2020-3-160-175
22. Артамонов, Д. С. Время цифровой истории / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2020. – Т. 22. – С. 98-109.
23. Артамонов, Д. С. История и историческая память о Великой Отечественной войне в коммуникативных практиках цифрового общества / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Российская школа связей с общественностью. – 2020. – № 17. – С. 29-43.
24. Артамонов, Д. С. Исторические фейки и религиозное сознание / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Социология религии в обществе позднего модерна. – 2020. – Т. 9. – С. 8-11.
25. Артамонов, Д. С. Темпоральные структуры медиапамяти / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Миф в истории, политике, культуре : Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции, Севастополь, 26–27 июня 2020 года. – Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. – С. 188-191.
26. Артамонов, Д. С. Историческая эпистемология в условиях цифрового поворота / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. научн. ст. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2020. – С. 55-71.
27. Артамонов, Д. С. История славян в компьютерных играх / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Славянский сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 18. – Саратов: Издательский центр "Наука", 2020. – С. 130-137.
28. Артамонов, Д. С. Визуализация исторической памяти в интернет-мемах / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Изотекст - 2020 : Материалы V Российской международной конференции исследователей рисованных историй, Москва, 06–07 ноября 2020 года. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020. – С. 195-203.
29. Artamonov, D. S. Media memory in the digital world / D. S. Artamonov, M. L. Volovikova, S. V. Tikhonova // SHS web of conferences: The conference proceedings APPSCONF-2019 / Don State Technical University. Vol. 72. – Rostov-on-Don: EDP Sciences, 2019. – P. 01014. – DOI 10.1051/shsconf/20197201014.
30. Artamonov, D. S. The Researcher's Image in Social Media: PR Strategies and Popularizing of Science / S. V. Tikhonova, D. S. Artamonov // Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS

2019, St. Petersburg, 10 апреля 2019 г. – St. Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2019. – P. 108-110. – DOI 10.1109/COMSDS.2019.8709634

31. Артамонов, Д. С. Историческое знание в эпоху постправды: фейки и мемы / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // ВПЕРЕД, МЕЧТА... От стихии современного информационного общества к горизонтам общества знания: Сборник научных статей / под ред. К.С. Пигрова. – Санкт-Петербург: ООО «Книжный дом», 2019. – С. 161-166. – DOI 10.25807/PВН.978.5.94777.430.6.161.166.

32. Артамонов, Д. С. Производство знаний о прошлом в социальных сетях как проблема исторической эпистемологии / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. – Н. Новгород: ООО "Красная ласточка", 2019. – С. 288-291. – DOI 10.24411/9999-036A-2019-00104

33. Артамонов, Д. С. Историческая эпистемология в условиях цифрового поворота: медиапамять и сетевые субъекты исторического познания / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Историческая эпистемология - история, онтология, эпистемология: Сборник статей / Ред. Л. В. Шиповалова. – Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2019. – С. 41-46.

34. Артамонов, Д. С. DИY-технологии в конструировании исторической памяти / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего / Под ред. В. Н. Сырова. – Саратов: ИЦ "Наука", 2018. – С. 16-20.

35. Артамонов, Д. С. Меминг в политике памяти России / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 450-456. – DOI 10.18500/1818-9601-2018-18-4-450-456

36. Артамонов, Д. С. Нейронаука и историческое познание в цифровую эпоху / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Взаимодействие власти, бизнеса и общества в развитии цифровой экономики: Материалы XI Международной научно-практической конференции, Саратов, 29 июня 2018 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2018. – С. 19-21.

37. Артамонов, Д. С. Феномен "ложных воспоминаний" в исторической памяти / Д. С. Артамонов // Историческая память в постнациональном мире: мифы, ритуалы, репрезентации: Сборник статей / Под ред. А. А. Линченко. – Саратов: ИЦ "Наука", 2017. – С. 18-24.

38. Артамонов, Д. С. Вадим Новгородский: вымысел историков и интерпретация литераторов XVIII – XIX вв. / Д. С. Артамонов // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2017. – № 10. – С. 155-177.

39. Артамонов, Д. С. Вадим Новгородский в исторической памяти / Д. С. Артамонов // Славянский сборник: межвузовский сборник научных трудов / Ред. А. Н. Галямичев. Вып. 15. – Саратов: ИЦ "Наука", 2017. – С. 72-82.

40. Артамонов, Д. С. Историческая память и самоидентификация человека / Д. С. Артамонов // Антропологическое измерение современности / Под ред. Фриауфа В. А. – Саратов: Изд-во СГУ, 2015. – С. 24-29.